

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТАХ БУДДИЙСКИХ ДЖАТАК
ИЗ «ДЗАНЛУНДО» В СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ
ЗАПАДНОМОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ
Г. Н. ПОТАНИНА И Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА)***

**To the Issue of Some Plots of Buddhist Jatakas from “Dzanlundo”
in Fabulous Folklore of Peoples of Western Mongolia
(Based on the Records Made by G. N. Potanin and B. Y. Vladimirtsov)**

С. В. Мурзаева (S. Mirzaeva)¹

¹аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kundgabo@list.ru.

В статье рассматриваются четыре образца сказочного фольклора западномонгольских народов из этнографических записей Г. Н. Потанина и Б. Я. Владимирцова, восходящие к сюжетам из тибетской «Сутры о мудрости и глупости» („Дзанлундо“). Описываются сюжеты указанных сказок и устанавливаются исходные сюжеты в тибетском повествовании.

Проводится сравнительный анализ тибетских оригиналов и западномонгольских фольклорных вариантов, выявляются общие черты и различия. Кроме того, автором сделана попытка проследить связь данных сюжетов с калмыцким сказочным фольклором.

Ключевые слова: джатака, сказка, „Дзанлундо“, фольклор, Западная Монголия, монголоведение, тибетология.

The given article investigates four tales of fabulous folklore of Western Mongolian peoples taken from “Essays of Northwestern Mongolia” by G. N. Potanin (1835–1920) and “Examples of Mongolian Folk Literature” by B.Y. Vladimirtsov (1884–1931). Plots of the analyzed tales originate from Tibetan collected Buddhist Jatakas „Sutra of Wisdom and Foolishness“ („Dzanlundo“). It was a widely recognized monument in the literary tradition of the Mongolian peoples. At present there are five translations of the work to the Mongolian and Oirat languages which are analyzed in the book “Tibetan and Mongolian Narrative Literature of XVII–XVIII centuries” by D. N. Muzraeva. Plots of the essay gained popularity in folklore traditions of the Mongolian people as well. Referring to the comments provided by G. N. Potanin and B. Y. Vladimirtsov for their works concerning the connection between the plots of collected tales and “Dzanlundo” stories we investigated plots of the four tales and made an attempt to find original plot lines in Tibetan literature. These are the tales “Burkhn-bakshi” (version d), “Burkhn-bakshi” (version i) collected by G. N. Potanin and «Muhr modn kebtā hān köwün» «Cahān bös orāksn okn» collected by B. Y. Vladimirtsov.

The article describes the similarities and differences in the plots of the original text and the folklore example. Tales collected B. Y. Vladimirtsov differ from fairy tales presented in the G. N. Potanin collection and are featured by greater adherence to Tibetan texts and the presence of small differences in the narration. Plots of Potanin’s fairy tales sometimes significantly differ from the Tibetan original.

We also made an attempt to find similar stories in the Kalmyk folklore. We have discovered a legend «In honour of Buddha’s victory» (version 1) which is a shortened version of «Chapter Thirteen. About confounded six teachers from “Dzanlundo».

Keywords: jataka, fairy tale, “Dzanlundo”, folklore, Western Mongolia, Mongolian and Tibetan studies.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02898).

Фольклор народов Западной Монголии представляет собой важную часть их духовного достояния, в которой отразились их история, верования и традиции. С проникновением буддизма через Тибет монголоязычные народы познакомились со сказочными традициями Индии и Тибета, представленными различными сборниками рассказов, такими как «Двадцать пять рассказов Веталы», «Панчатантра» и т. д., а также сборниками джатак и авадан, например, тибетской «Сутрой о мудрости и глупости (Дзанлундо)» (*тиб.* mDzangs blun pa'i mdo). Эти сказочные сборники благодаря занимательности сюжетов стали популярны и в письменной, и в устной традиции монголоязычных народов.

Так, в монгольской литературной традиции получило распространение сочинение «Море притч» (*монг.* Үлгэрийн далай), являющееся переводом «Дзанлундо». Русский перевод тибетской сутры был выполнен Ю. М. Парфионовичем [Парфионович 2002]. Известный тибетолог Б. И. Кузнецов считает, что оригиналом тибетского и китайского переводов был сборник нравоучительных рассказов «О мудрости и глупости», составленный в Хотане (Центральная Азия) на местном (хотанском) языке в 445 г. н. э. [Кузнецов 2002: 26]. Ю. М. Парфионович предлагает другую дату создания памятника — 632 г. н. э. [Парфионович 2002: 9].

«Дзанлундо» обрела популярность среди монголов и ойратов, о чем свидетельствует несколько ее переводов, выполненных известными переводчиками. Три монгольских перевода — Ширээт-гуши-цорджи, Тойнгуши и Зуун-Авгинского Цултэмлодая — и два ойратских перевода — Зая-пандиты Намкай-Джамцо и калмыцкого гелюнга Тугмюд-гавджи — были проанализированы Д. Н. Музраевой в книге «Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв.» [Музраева 2013].

Начало систематического собирания сказочного фольклора западномонгольских народов определяется деятельностью Г. Н. Потанина (1835–1920), известного исследователя Центральной Азии и Сибири, который представил переводы таких образцов устного творчества западных монголов, как сказки, легенды, пословицы, в своем труде «Очерки Северо-Западной Монголии» [Потанин 2005]. В «Очерках» под каждым произведением указано имя информанта.

Собиранием фольклора западных монголов также занимался выдающийся монголовед Б. Я. Владимирцов (1884–1931), опубликовавший сказки, предания, песни и другие образцы устного творчества, записанные у разных народов Западной Монголии, в книге «Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия)» [Владимирцов 1926]. Тексты записаны без перевода «с использованием русской лингвистической азбуки». Б. Я. Владимирцов не дает расшифровку знаков данной азбуки, ссылаясь на работу А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор», в которой дано объяснение всех знаков [Владимирцов 1926: 10].

Целью данной статьи является рассмотрение сюжетов из «Дзанлундо», бытующих в сказочном фольклоре народов Западной Монголии, на материале этнографических записей Г. Н. Потанина [Потанин 2005] и публикаций Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1926].

В четвертом томе «Очерков Северо-Западной Монголии» есть раздел с примечаниями, в котором автор прослеживает связи сюжетов некоторых сказок с сюжетами известных ему джатак и других буддийских повествований [Потанин 2005: 753–935]. Основываясь на примечаниях Г. Н. Потанина, рассмотрим две сказки, сюжеты которых восходят к «Дзанлундо»: 1. Бурхын-бакши (вариант *д*); 2. Бурхын-бакши (вариант *и*).

Б. Я. Владимирцов во введении к своему труду «Образцы монгольской народной словесности» также указал на связи сюжетов некоторых из записанных им сказок с сюжетами джатак из «Сутры о мудрости и глупости» [Владимирцов 1926: 9–10]. Мы опишем сюжеты двух сказок, записанных Б. Я. Владимирцовым, дав их сокращенный перевод:

1. Мухр модн кебтā хāн кōвүн ('Царевич, подобный обрубку дерева');
2. Цаhāн бōс оrāксн окн ('Девушка, обернутая в белую ткань').

Рассмотрение указанных текстов важно в аспекте их связи с сюжетами «Дзанлундо».

1. Бурхын-бакши (вариант *д*):

Бурхын-бакши имел 32 перерождения. Однажды он превратился в огромную рыбу, чтобы накормить своим телом всех животных, звери съели верхнюю половину и не смогли перевернуть ее, тогда Бурхын-бакши сам перевернулся, и звери доели другую его половину. Потом он превратился в

зайца величиной с гору и умер, чтобы снова накормить зверей. Звери съели его, а шкуру его Мангырбе Бурхын поместил на месяц, вот ее-то мы и видим в виде пятен на месяце... (Сарисын, певец и музыкант, дюрбют из г. Улангома) [Потанин 2005: 270–271].

Сюжет этой сказки представляет собой трансформированный сюжет джатак о том, как Будда подносит свое тело в качестве пищи людям или зверям. В сказке, записанной Г. Н. Потаниным, главное действующее лицо — Будда, бывший в одном из рождений рыбой. В тексте «Дзанлундо» есть две джатаки с похожими сюжетами: «Глава вторая. О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице» и «Глава четырнадцатая. О том, как зверь Кюнда пожертвовал свое тело». В обеих главах повествуется о том, как Будда, будучи в предыдущем рождении царевичем Махасаттвой и зверем Кюнда, поднес свое тело в качестве пищи. Однако сюжет, в котором Будда, будучи рыбой, накормил своим телом других рыб, в «Дзанлундо» нами не обнаружен. Сказка отличается лаконичностью, кроме того, в ней кратко описан видоизмененный сюжет «Джатаки о зайце», не входящей в «Дзанлундо», но, вероятно, восходящей к VI джатаке из «Гирлянды джатак» Арьяшуры (ок. IV в.), — о том, как заяц поднес свое тело Шакре, и тот в благодарность украсил диск луны изображением зайца [Гирлянда джатак 2000: 61–69].

2. Бурхын-бакши (вариант и):

Тэрсин Дзурган Бакши и один гецил, по имени Шаримни Гоодомбы¹, спорили: кто из них более знает. Пошли они к хану; гостям подали чай; гецил пьет, а у Дзургана-Бакши в чашке заледенело; гецил наливает себе другую чашку, а у Дзурган-Бакши чай из домбы не льется; после чаю хан угостил гостей мясом; гецил, поев мяса и сделав из дерева ковырялку, поковырял в зубах и воткнул ковырялку в землю; ковырялка принялась, быстро выросла и стала деревом. Дзурган-Бакши также воткнул свою ковырялку, но она такую и осталась. Таких чудес гецил совершил пятнадцать. 15-го числа зимнего среднего месяца гецил воссел на арслан-шире, львиный престол; это был Бурхын-Бакши. Дзурган Бакши ударил льва,

¹ В этом имени представлены, вероятно, искаженные формы двух санскритских имен: Шарипутра (санскр. Śāriputra) — имя близкого ученика Будды, Гаутама (санскр. Gautama) — одно из имен Будды Шакьямуни.

лев побежал и потоптал Дзургана; последний взмолился, и Бурхын-Бакши удержал льва; у Дзургана после того осталось только три бакши, а три бакши улетели на озеро и утонули. (Сарисын, Дюрбют, г. Улангома) [Потанин 2005: 272].

Данная сказка по сюжету близка «Главе тринадцатой. О посрамлении шести учителей» [Парфионович 2003: 69–94]. В тибетском оригинале учителей, выступающих против Будды, — шесть, в фольклорном же варианте числительное становится частью имени “Дзурган Бакши” (букв. шесть учителей). Будда в сказке назван гецилом Шаримни Гоодомбы, и лишь в конце указано, что он и есть Будда (Бурхын-Бакши). В тибетском оригинале Будда совершает много разных чудес, в сказке дано лишь краткое описание его основных деяний: гецил воткнул в землю ковырялку, и она превратилась в дерево (см. в тибетском тексте: Будда воткнул в землю зубочистку, и она превратилась в огромное дерево высотой в пятьсот йоджан [Парфионович 2003: 77]), гецил пьет чай, а у Дзургана-бакши в чашке заледенело (в тибетском тексте: горлышко сосуда само собой закупорилось, и вода не потекла из него [Парфионович 2003: 70]). Эпизод с львиным тронem в тибетском оригинале несколько иной: Будда надавил рукой на львиный трон, тотчас оттуда раздался рев, подобный реву слона, и появились пять ракшасов, которые выхватили сиденья из-под шестерых учителей и разбили их вдребезги. <...> Охваченные страхом, шестеро учителей <...> прыгнули в реку, и им тут же настал конец [Парфионович 2003: 80].

3. Мухр модн кебтā хāн кōвүн:

Муж и жена, занимаясь производством масла, подносили часть отшельнику, пребывавшему в созерцании. Однажды муж поругался с отшельником из-за того, что тот назвал их грешными людьми, и назвал себя в разговоре обрубок дерева (мухр модн). Жена сказала ему, что из-за этого в следующем перерождении он будет похож на обрубок дерева. Муж ей ответил, что она и в следующей жизни будет его женой. Тогда жена ответила, что она его оставит и убежит, но затем вернется. Спустя много лет в стране правил великий хан. У него было пятьсот жен, но не было сыновей. Однажды он отправился в роуцу и решил расстаться с жизнью. Там он встретил небесного ламу, который, узнав, что хан хочет расстаться с жизнью

из-за того, что у него нет сыновей, предложил сделать снадобье для его жен. Хан раздал снадобье всем женам, приказав развести его в молоке и выпить, но старшая ханша отказалась его пить. Когда она поняла, что все, кроме нее, забеременели, она раскаялась и, узнав, что от того снадобья остался осадок, выпила его. Все ханши родили прекрасных сыновей, а старшая родила уродливого, похожего на обрубок дерева. Когда пришло время жениться, прекрасные царевичи женились на дочерях ханов, сыну, похожему на обрубок дерева, тоже нашли дочь хана, но, стыдясь его уродства, родители показали ей другого мужчину. Так она вышла замуж за уродливого царевича, они встречались только ночью во дворце.

Затем во владения царя пришли враги, и прекрасные царевичи выступили с войском, однако вернулись обратно со словами, что враги слишком сильны. Тогда хан обратился за советом к сыну, похожему на обрубок дерева. Царевич, взяв с собой гневную черную книгу и белую раковину, принадлежавшую его деду, выступил против врага и одержал победу. Царевич вернулся домой и продолжал приходить к своей жене только ночью, не показываясь при дневном свете. Однажды жены царевичей собрались вместе и стали хвалить своих мужей. Жена царевича, похожего на обрубок дерева, тоже стала превозносить своего мужа, в ответ одна из других жен сказала, что ее муж уродлив, и посоветовала ей зажечь светильник, когда он заснет, и посмотреть на него. Жена царевича так и сделала, увидела его уродство и с криками убежала из дворца. Царевич увидел, что жены нет, и отправился на ее поиски, захватив с собой черную книгу и белую раковину. Он пришел к отцу его жены, шесть ханов просили ее в жены, но, уstraшенные царевичем, ушли ни с чем. Царевич со своей женой вернулись домой. Когда он спросил о причине ее ухода, она сказала, что он очень уродлив, и дала ему зеркало. Царевич, увидев свое отражение в зеркале, очень опечалился и решил лишиться себя жизни, чтобы не причинять страдания своей жене. Отправившись в роуцу, он встретил там небесного отшельника, который уговорил его не убивать себя и дал драгоценность темени. Надев ее, он обрел прекрасный вид. Отшельник наказал ему не снимать драгоценность с темени, иначе к нему вернется прежний вид. Царевич вернулся во дворец, его жена, не узнав

его, начала его прогонять, но затем он, сняв драгоценность, показал свой прежний облик, и она поверила ему. Таково было одно из прежних воплощений Бурхн бакши. [Владимирцов 1926: 77–80].

В основе данной сказки лежит сюжет «Джатаки о царевиче Дондуме», входящей в состав «Главы тринадцатой. О посрамлении шести учителей» [Парфионович 2003: 69–94]. В тибетском тексте царя зовут Махашакули, а вместо небесного отшельника царю помогает сам владыка богов Индра. В тибетском оригинале царевича Дондума женят после того, как он проявляет отвагу в сражении с врагами, в отличие от сказки, в которой всем царевичам выбирают жен одновременно. Отличаются также предметы, с помощью которых царевич одерживает победу над врагами, — в тибетском тексте это лук и рог деда, лежащие на жертвеннике, а в записанной Б. Я. Владимирцовым сказке — это черная книга и белая раковина деда. В остальных же деталях сказка удивительно точно сохранила подробности тибетского повествования — например, употребление снадобья, предварительно смешанного с молоком, а также описание того, как небесный отшельник собирал травы для снадобья в снежных горах.

4. Цаҗан бѳс ораҗсн окн:

Однажды Бурхн бакши давал устное учение Мани Мегзем¹, и его ученик объявлял об этом, ходя по окрестностям. В тех краях жили муж с женой, у которых не было ничего, кроме куска белой ткани, которую они использовали в качестве одежды. Ученик, объявлявший о передаче учения, встретился с ними и на вопрос жены: «Какая будет польза от получения этого учения?», — ответил, что благодаря учению очищаются все грехи и обретается святость Будды. Женица, посоветовавшись с мужем, решила поднести единственное, что у них было, — кусок белой ткани, несмотря на то, что он был грязный. Она зашла в свою хижину и, сняв эту ткань, отдала ее монаху через дверь, чтобы он не видел ее нагой. Когда ученик вернулся с подношениями, Бурхн бакши приказал ему достать кусок ткани, поднесенный женщиной, и сказал, что это самое прекрасное подношение из всех имеющихся. Когда ученик рассказал о женщине, поднесшей эту ткань, хан и хан-

¹ Мегзем (тиб. dMigs brTse ma) — молитва к ламе Цонкапе, широко распространенная в школе гелуг тибетского буддизма.

ша сняли свои одеяния и велели передать их тем беднякам. Тогда супруги, надев ханские одежды, пришли и получили Учение от Бурхн бакши.

Затем, во времена, когда Учение Будды процветало, в одной семье родилась прекрасная девочка, обернутая в белую ткань. Когда она выросла, ее решили выдать замуж за одного юношу. Однако она отказалась и сказала, что хочет стать монахиней и обрести архатство, и попросила дать ей монашеское одеяние. Она пришла к Бурхн бакши и заявила о своем намерении принять монашеские обеты, он разрешил ей, и тогда ее волосы отпали сами собой, и она стала монахиней. Когда Ананда спросил Бурхн бакши, в силу чего эта девушка стала монахиней, тот ответил, что прежде в одной из жизней она поднесла кусок белой ткани, в силу чего накопила бесчисленные заслуги и в этой жизни обретет состояние архатства [Владимирцов 1926: 80–82].

В данную сказку включены два сюжета: сюжет о женщине, поднесшей в дар кусок ткани, и сюжет о девочке, родившейся обернутой в белую ткань. Эти два сюжета есть в «Главе восемнадцатой. О бедной женщине, преподнесшей в дар материю» [Парфионович 2003: 127–131]. Однако в тибетском тексте они даны в другой последовательности: сначала идет рассказ о девочке Гармо, родившейся окутанной в белую мягкую материю¹, а затем — рассказ о женщине, поднесшей в дар материю. В сказке второй сюжет о девочке изложен кратко, в тибетском тексте повествование более подробно. Сюжет о жене, поднесшей кусок ткани, практически не отличается от тибетского оригинала.

Представляется актуальной также задача поиска сюжетов из «Дзанлундо» в устном творчестве родственных западным монголам калмыков. Так, в сборник калмыцких легенд и преданий «Семь звезд» включен текст легенды «В честь победы Будды (версия 1)» [Семь звезд 2004: 76], представляющей собой краткий вариант «Главы тринадцатой. О посрамлении шести учителей» из «Дзанлундо». В ней рассказывается о том, как Бурхан-Бакши вступил в диспут с ше-

¹ Возможно, в основе данного мотива лежит присутствующее в фольклорных традициях многих народов мира представление о том, что «родившийся в рубашке» (в плодной оболочке) будет счастлив в жизни. Такое поверье встречается и в калмыцкой устной традиции.

стью неверными учителями, который продолжался пятнадцать дней. Бурхан-Бакши одержал над ними победу, и они признали его учение. С этой победой и связано празднование Цаган Сар [Семь звезд 2004: 76].

С целью выявить сюжеты других джат из «Дзанлундо» в калмыцком сказочном фольклоре, мы изучили сборники калмыцких сказок «Сандаловый ларец» [Сандаловый ларец 2002], «Медноволосая девушка» [Медноволосая девушка 1964], «Буутан Санжин туульс» [Буутан Санжин 2008], однако подобные сюжеты не были нами обнаружены.

Особо следует упомянуть о случае типологического сходства персонажа одного из рассмотренных нами сюжетов с персонажем калмыцкой волшебной сказки. Вероятно, в основе «Джатаки о царевиче Дондуме», тибетского оригинала сказки «Мухр модн кебтā хāн кōвүн», записанной Б. Я. Владимирцовым, лежала волшебная сказка, в которой главный герой, будучи внешне непривлекательным и презираемым другими, решает трудную задачу, а затем обретает прекрасный облик. Герой, не подающий надежд, является персонажем, характерным именно для волшебной сказки. Как указывает Е. М. Мелетинский, «герой волшебной сказки прежде всего социально обездоленный крестьянский сын, бедняк, младший, брат, сирота, пасынок и т. п. Кроме того, он часто характеризуется как «золушка» («запечник»), «дурачок», «лысый паршивец», «грязный мальчик» [Мелетинский 2005]. Система персонажей калмыцкой волшебной сказки рассматривалась в работах М. Э. Джимгирова [Джимгиров 1970], В. Т. Сарангова [Сарангов 2012], И. С. Надбитовой [Надбитова 2011], Б. Б. Горяевой [Горяева 2011]. Образ царевича Дондума близок одному из типов главного героя — ироническому неудачнику, характеризующему И. С. Надбитовой следующим образом: «он некрасив, неказист, и его презирают окружающие» [Надбитова 2011: 109]. Однако, как отмечает В. Т. Сарангов, «неприглядный внешний облик — контрастирующая оболочка необычайной внутренней красоты — душевной силы, благородства» [Сарангов 2012: 64].

Таким образом, нами были выявлены некоторые сюжеты из тибетского сочинения «Дзанлундо» в сказочном фольклоре западных монголов на материале записей Г. Н. Потанина и Б. Я. Владимирцова, а так-

же в калмыцком фольклоре. Анализ сказок, записанных Г. Н. Потаниным и Б. Я. Владимирцовым у западных монголов, показывает, что сюжеты джатак из «Дзанлундо» получили определенное распространение в сказочном фольклоре западномонгольских народов. В некоторых случаях они подверглись значительным изменениям, как в сказке «Бурхын-бакши (вариант *д*)», записанной Г. Н. Потаниным, в которой изменен сюжет и главные персонажи. В сюжете сказки «Бурхын-бакши (вариант *и*)» также есть отличие от тибетского оригинала: лев набрасывается на лжеучителя, и тот лишь по милости Будды остается в живых. В тибетском повествовании из-под львиного трона выскакивают пять ракшасов, которые разбивают сидения шести лжеучителей, и те в страхе прыгают в озеро и тонут. В сказке «Мухр модн кебтā хāн кōвүн», записанной Б. Я. Владимирцовым, повествование немного отличается от тибетского оригинала в деталях, однако в целом довольно хорошо сохранилось в фольклорном варианте. Во второй сказке «Цаḥāн бōс ораḥсн окн» рассказчик поменял местами два сюжета, кроме того, первый сюжет о девочке, родившейся окутанной в белую материю, отличается от тибетского своей краткостью. Для сказок, записанных Б. Я. Владимирцовым, характерны строгое следование тибетскому тексту и лишь небольшие различия в сюжете. Среди образцов калмыцкого сказочного фольклора нами обнаружен текст легенды «В честь победы Будды (версия 1)», восходящей к тринадцатой главе «Дзанлундо». Нами также выявлен случай типологического сходства главного персонажа сказки «Мухр модн кебтā хāн кōвүн» с персонажем калмыцкой волшебной сказки.

Рассмотренные нами некоторые сюжеты из «Дзанлундо» в их связях с фольклором западномонгольских народов приводят к выводу о том, что данная проблематика требует более широкого изучения.

Список сокращений

санскр. — санскрит
монг. — монгольский
тиб. — тибетский

Литература

- Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х кн. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
- Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности: Северо-Западная Монголия. Л.: Гос. акад. тип., 1926. 202 с.
- Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. Пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисл. и примеч. О. Ф. Волковой. 2-е изд., доп. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. 367 с.
- Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.
- Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.
- Кузнецов Б. И. Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам. СПб.: Евразия, 2002. 224 с.
- Медноволосяя девушка: Калмыцкие народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1964. 272 с.
- Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Акад. исслед. культуры, Традиция, 2005. 240 с.
- Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. Элиста: НПП «Джангар», 2013. 150 с.
- Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Парфионович Ю. М. Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо). Пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. Изд. 2-е. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2002. 320 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 2005. 1026 с.
- Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.
- Сарангов В. Т. Фольклор калмыцкого народа [Текст]: учебное пособие / В. Т. Сарангов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 136 с.
- Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.